

Глава 1. Абакумов В. С. — руководство особыми отделами НКВД в начале войны

Введение

Абакумов Виктор Семёнович — «железный министр», «человек-загадка», о котором сегодня известно немного. Одни его называют палачом, другие — жертвой. Но несомненно одно: его имя, как считает ряд исследователей и ветеранов спецслужб, заслуживает причисления к списку авторов великой Победы. Он обыграл Канариса, Шелленберга, Кальтенбруннера. Он поднял советскую военную контрразведку на небывалую высоту. Он возглавил легендарный «Смерш» и оказал огромную поддержку Красной Армии, её полководцам и командирам в осуществлении победы над Германией.

В. С. Абакумов

Говорит *А. Г. Безверхний* (генерал ФСБ) об Абакумове: «Это человек, который сумел организовать работу. И благодаря его личным качествам, личному участию, личной самоотдаче всё-таки мы добились победы».

В 1946 году генерал-полковник В. С. Абакумов в возрасте тридцати

восьми лет был назначен Министром госбезопасности СССР, а в 1951 году он по распоряжению И. В. Сталина был арестован и помещён в тюрьму, а при правлении Н. С. Хрущёва в 1954 году осуждён и расстрелян. Многие из судебных документов по В. С. Абакумову до сегодняшних дней засекречено.

Начало войны с гитлеровской Германией

В июле 1941-го вся страна погрузилась во мрак. Фашисты рвались к Москве. Разрываемая танковыми бронеклиньями многомиллионная Красная Армия стремительно отступает, оставляя многочисленные деревни, города, технику, людей. Сотни тысяч погибших, пропавших без вести, попавших в плен. Обученная идти только вперёд, Красная Армия катится назад, пытаясь закрепиться на наспех сооружаемых оборонительных рубежах. Но фронт — словно решето. А надо было обеспечить безопасность армии даже в тех сложнейших условиях, когда о безопасности и говорить не приходится.

Генерал-лейтенант запаса ФСБ России А. А. Зг нович говорит, что в те дни, недели надо было просто сохранить армию, чтобы она могла сопротивляться немцам, своевременно и организованно отходить на другие позиции, сохраняя боеспособность. Тогда это казалось невыполнимой задачей, которая лежала и на плечах военной контрразведки. Контрразведчики должны были бороться с массовым дезертирством, массовым членовредительством, массовыми переходами на сторону врага, массовым паникёрством. При этом контрразведчиков было немного. И с каждым днём становилось всё меньше. Бок о бок с обычными красноармейцами они сражались и погибали, иногда даже не успевая познакомиться с личным составом. Понять из Москвы, что творилось на фронтах, порою было практически невозможно. Информация получалась и передавалась с такими задержками, что реальная оперативная ситуация на фронтах успевала поменяться неоднократно. В центральном аппарате военной контрразведки, как и везде, царила неразбериха. Работе мешала и очередная реформа. Из комиссариата обороны её снова передавали в аппарат НКВД Л. П. Берии. Дошло до того, что начальник военной контрразведки (А. Н. Михеев) подал рапорт отбыть на фронт, чтобы на месте разобраться, что к чему. Он пал смертью храбрых 21 сентября 1941 года при попытке выйти из окружения.

И тогда его место занял комиссар государственной безопасности 3-го ранга Виктор Семёнович Абакумов, к тому времени уже полгода как заместитель наркома внутренних дел Л. П. Бериин. С июля 1941 года В. С. Абакумов — начальник Управления особых отделов НКВД (военная контрразведка).

Откуда взялся В. С. Абакумов?

Откуда же взялся В. С. Абакумов и в свои тридцать три года стал заместителем наркома НКВД? Из его автобиографии: «Отец мой до революции был некоторое время рабочим Московской фармацевтической фабрики. После революции уборщиком-истопником одной из больниц Москвы. Заработок у отца был очень низкий для семьи из пяти человек. Семья находилась в нужде. Мать до революции работала швейей по разным мастерским... После революции работала уборщицей».

Родился он в 1908 году. Образование у Абакумова — четыре класса. В армию подался, когда ещё не было четырнадцати лет, — служил санитаром в Московской бригаде частей особого назначения (ЧОН). В пятнадцать лет демобилизовался. Трудился разнорабочим, а в начале 1925 года работал упаковщиком в Моспромсоюзе. Затем был охранником военно-промышленных предприятий. Вступил в комсомол, затем, в 1930-м, — в компартию. Руководил комсомольской ячейкой на заводе «Пресс», потом — в райкоме комсомола. В 1932 году был мобилизован на работу в ОГПУ. В январе 1932 года он на практике в экономическом отделе ОГПУ Московской области. Через полгода поднялся до уполномоченного отделом, ещё полгода — и молодой чекист уже в центральном аппарате ОГПУ (позже НКВД). «Для того времени это была достаточно типичная ситуация, — говорит *О. М. твеев*, историк спецслужб, — ...когда люди с простых „оперов“ быстро поднимались до должностей начальников управлений, а то и до должностей зам. наркома».

Летом 1934 года Виктора Абакумова «сослали» в ГУЛАГ. Правда, не как заключённого, а как оперуполномоченного отдела охраны главного управления лагерей. По слухам, двадцатипятилетний красавец Абакумов так увлёкся фокстротом и женщинами, что забыл о службе. Но «ссылка» для «фокстротчика» (так за глаза его называли коллеги) продлилась только три года. В 1937-м Абакумову присвоено звание младшего лейтенанта госбезопасности. В 1938 году Виктор Абакумов —

лейтенант ГБ и помощник начальника секретно-политического отдела. Усердие молодого «гэбиста» заметил начальник секретно-политического отдела Богдан Кобулов. Кобулич, как его называют, не только мастер пыточного следствия, но и правая рука Л. П. Берии. Его похвала и рекомендация были кстати: в декабре 1938 года Абакумову, минуя ступень, присвоили звание капитана госбезопасности и доверили руководить УНКВД Ростовской области. В 1940-м Виктор Абакумов — старший майор (соответствовало армейскому званию «полковник»).

Особые отделы НКВД в первые два года войны

Итак, 25 февраля 1941 года Абакумов назначен заместителем наркома внутренних дел СССР. В сферу непосредственного его руководства входили: Главное управление милиции, Главное управление пожарной охраны и особые отделы в армии, на флоте, а также в пограничных и внутренних войсках. Через три часа после начала войны Абакумов В. С. принимал участие в разработке плана агентурно-оперативных мероприятий по обеспечению государственной безопасности города Москвы и Московской области. А с 27 июня 1941 года Абакумов занимается организацией подконтрольных ему управлений на выполнение следующих задач: проведение агентурно-оперативной работы в частях Красной Армии, в тылах, среди гражданского населения; борьба с дезертирством; работа на территории противника. Летом Виктор Абакумов получил звание комиссара ГБ 3-го ранга, что в армии равнялось званию генерал-лейтенанта.

17 июля 1941 года органы 3-го управления НКО СССР (то есть из армейского подчинения) были преобразованы в особые отделы НКВД СССР. А с 19 июля 1941 года Абакумов, как заместитель наркома (НКВД), одновременно назначается начальником вновь созданного Управления особых отделов (УОО). Деятельность УОО под руководством Абакумова в период 1941 — 1942 годов была обусловлена трагическим периодом войны.

Один из мифов, связанных с деятельностью советской военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны, — особые отделы НКВД (1941 — 1942 годы) и с лета 1943 года УКР «Смерш» (руководитель Абакумов В. С.) занимались исключительно охотой на настоящих и мнимых врагов советской власти. На самом деле это не так. В основные функции военной контрразведки изначально входило следующее:

1. Агентурно-оперативная работа:

а) в частях Красной Армии;

б) в тылах, обеспечивающих действующие на фронте части;

в) среди гражданского населения.

2. Борьба с дезертирством (сотрудники Особых отделов входили в состав заградительных отрядов РККА, то есть армии).

3. Работа на территории противника (сначала в районе до ста километров от линии фронта, в контакте с органами Разведывательного управления НКО СССР).

С первых дней войны приоритет был отдан сообщениям и докладным запискам о недочётах в обеспечении войск фронта и тыла всеми видами довольствия и вооружения, о недостатках в подготовке и проведении операций. Лишь на пятом месте в этом перечне проходили сообщения о проявлении вражеской деятельности в частях.

Заголовок одного из первых документов, подготовленных военными чекистами, звучал так: «Докладная записка о недочётах боевой подготовки частей 2-го корпуса ПВО». В нём сообщалось о многочисленных упущениях и недостатках, приведших к нарушению заградительной системы противовоздушной обороны Ленинграда.

А вот ещё одно донесение: «О потерях ВВС Северо-Западного фронта в первые дни войны» от 8 июля 1941 года. «Вследствие неготовности частей ВВС ПриОВО (Прибалтийский Особый военный округ) к военным действиям, нераспорядительности и бездеятельности некоторых командиров авиадивизий и полков, граничащих с преступными действиями, около 50% самолётов было уничтожено противником при налётах на аэродромы. Вывод частей из-под удара авиации противника не был организован. Зенитные средства обороны аэродромов отсутствовали, а на тех аэродромах, где средства были, не было артснарядов. Руководство боевыми действиями авиачастей со стороны командиров 57-й, 7-й и 8-й авиадивизий, а также штаба ВВС фронта и округа было поставлено крайне плохо, связь с авиачастями с начала военных действий почти отсутствовала. Потери самолётов на земле только по 7-й и 8-й авиадивизиям составляют 303 самолёта. Аналогичное положение по 6-й и 57-й авиадивизиям. Такие потери нашей авиации объясняются тем, что в течение нескольких часов после нападения вражеской авиации командование округа запрещало вылетать и уничтожать противника. Части ВВС округа вступили в бой

поздно, когда значительная часть самолётов была уже уничтожена противником на земле. Перебазировка на другие аэродромы проходила неорганизованно, каждый командир дивизии действовал самостоятельно, без указаний ВВС округа, посадку совершали кому где вздумается, в результате чего на некоторых аэродромах скапливалось по 150 машин... Маскировке аэродромов до сих пор не уделяется внимание. Приказ НКО по этому вопросу не выполняется (особенно по 57-й авиадивизии — командир дивизии полковник Катичев и 7-й авиадивизии — командир дивизии полковник Петров), штабы ВВС фронта и округа никаких мер не принимают. В данное время авиачасти ВВС Северо-Западного фронта являются неспособными к активным боевым действиям, так как в своём составе имеют единицы боевых машин: 7-я авиадивизия — 21 самолёт, 8-я авиадивизия — 20, 57-я авиадивизия — 12. Экипажи, оставшиеся без материальной части, бездельничали и только сейчас направляются за матчастью, которая поступает крайне медленно».

В первый месяц войны серьёзные проблемы в сфере управления наблюдались не только в стремительно отступающей на восток Красной Армии, но и в системе железнодорожных коммуникаций. Понятно, что внезапное нападение противника, немецкие разведывательно-диверсионные группы в тылу Красной Армии, целенаправленные удары авиации противника по узлам и линиям армейской связи и множество других причин привели к частичному параличу системы управления действующей армии на территории Украины и Белоруссии. К тому же в первый день войны выяснилось, что Наркомат связи, который должен был представить цепи (линии, каналы) для организации правительственной связи территориальным управлениям НКВД (последние обслуживали ВЧ-станции используемые для организации связи руководства страны, Генштаба с командованием фронтов и армий), не смог этого сделать. И эти серьёзные недостатки отслеживали контрразведчики и формировали свои донесения в адрес Генерального штаба и Наркомата обороны СССР.

Военные контрразведчики должны были находиться как в штабах, обеспечивая режим секретности, так и в первых эшелонах при командных пунктах. Тогда же военные контрразведчики получили право вести следственные действия в отношении военнослужащих и связанных с ними гражданских лиц, при этом санкцию на аресты среднего командного состава они

должны были получать от Военного совета армии или фронта, а старшего и высшего начальствующего состава — от наркома обороны.

Военными чекистами были взяты под контроль военные сообщения, доставка военного снаряжения, вооружений и боеприпасов в действующую армию, для чего на железных дорогах были учреждены 3-и отделения, деятельность которых переплеталась (и, видимо, в чём-то дублировала) с органами госбезопасности на транспорте.

Особые отделы, выполняя приказ Ставки № 270, организовывали систему заградительной службы, применяя и внесудебный расстрел. Они также пресекали проявления «незаконных репрессий, рукоприкладства и самосудов», согласно положениям приказа НКВД № 0391 от 4 октября 1941 года, в частях действующей армии, которыми занимались некоторые армейские командиры. Помимо этого, особые отделы занимались и выполнением непосредственных обязанностей — контрразведывательной работой.

Справедливости ради следует отметить, что уже к середине 1942 года работа Особых отделов начала принимать системный характер, разворачивалась контрразведывательная деятельность. За подписью наркома внутренних дел Л. П. Берии был подготовлен приказ № 00941 от 19 июля 1941 года о формировании частей войск НКВД при органах военной контрразведки. Особым отделам дивизии и корпусов полагалось иметь отдельные стрелковые взводы, армейские роты, а фронтовым — батальоны.

Чтобы повысить общий профессиональный уровень сотрудников, были организованы курсы при Высшей школе НКВД с численностью одновременно обучающихся 850 человек. Согласно приказу НКВД СССР № 00960 от 23 июля 1941 года, занятия на курсах планировалось начать уже с 26 июля.

Справка о заградительных отрядах

В конце июля 1941 года В. С. Абакумов подписал директиву № 39212 (от 28 июля 1941 года), касающуюся усиления работы заградительных отрядов. Заградительные отряды сначала начали организовываться командованием армий и фронтов с разрешения Ставки ВГК и до издания вышеуказанной директивы решали различные задачи, порой далёкие от контрразведки:

помогали командованию в поддержании дисциплины и воинского порядка, пресечении бегства командиров и бойцов с занимаемых позиций, ликвидации паники и так далее.

12 августа 1941 года нарком обороны И. В. Сталин подписал приказ Военным советам фронтов и армий о необходимости предания суду военного трибунала лиц среднего и старшего начсостава, оставляющих позиции без приказа своего руководства. Под суд предлагалось отдавать военнослужащих до командира батальона включительно. Данный приказ отражал сложнейшую ситуацию на фронте.

Затем вышел приказ Верховного Главного командования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года: «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий» — указывало на его репрессивный характер. В приказе прямо говорилось о «недопустимой растерянности» работников Особых отделов НКВД и отсутствии необходимых действий помешать некоторым генералам, другим военным сдать в плен врагу.

Генерал ФСБ А. А. Зг нович говорит, что особые отделы, трибуналы, военная прокуратура принимали жесточайшие меры. Но можно задать вопрос: а что надо было делать в той обстановке? Общеизвестны неудачи Красной Армии летом-осенью 1941 года. Внезапность и мощь удара Германии были настолько велики, что уже через три недели оказались оккупированы Литва, Латвия, Белоруссия, значительная часть Украины, Молдавии и Эстонии. Враг продвинулся в глубь советской земли на 350-600 километров. За короткий срок Красная Армия потеряла более 100 дивизий (три пятых всех войск западных приграничных округов). Были уничтожены или захвачены противником более 20 тысяч орудий и миномётов, 3,5 тысячи самолётов (из них 1200 были уничтожены прямо на аэродромах в первый день войны), 6 тысяч танков, более половины складов материально-технического обеспечения. Основные силы войск Западного фронта оказались в окружении. Фактически в первые недели войны оказались разгромлены все силы «первого эшелона» Красной Армии. Казалось, военная катастрофа СССР неминуема.

По примерным подсчётам, проведённым историками органов госбезопасности, с начала войны и до декабря 1941 года порядка 720 тысяч военнослужащих Красной Армии были задержаны армейскими заградительными отрядами и отрядами, которые обеспечивали контрразведчики Особых отделов

НКВД. Подавляющее большинство из задержанных снова направляли в действующую армию (<https://www.youtube.com/watch?v=RpuKOWDuf4w>).

В отличие от «либеральных псевдоисториков», как отмечают сегодня историки спецслужб, никаких массовых расстрелов задержанных заградительными отрядами бойцов не было. Так же как и расстрелов лиц, выходявших в расположение частей Красной Армии с территорий, захваченных врагом. И если и были приговоры военных трибуналов (за паникёрство, слабодушие и тому подобное), то большинство из них были отсрочены, а немалое число из этих осуждённых солдат и офицеров впоследствии доблестно воевали и получали правительственные награды за свои воинские подвиги. Хотя, конечно, не обходилось без ошибок и перегибов. Порой бойцы попадали в критические ситуации на переднем крае из-за сложившихся роковых обстоятельств или даже неверных действий своих командиров и становились жертвами обвинений в паникёрстве, слабодушии, попадании в плен и тому подобном.

Есть и статистика по задержанным лицам из Управления контрразведки НКВД. Вот пример: по состоянию на 1 декабря 1941 года сотрудниками Управления особых отделов НКВД арестовано 35 738 человек. Из них: шпионов — 1343, диверсантов — 669, изменников Родины — 4647, трусов и паникёров — 3325, дезертиров — 13 887, распространителей провокационных слухов — 4295, самострелов — 2358, бандитов и мародёров — 4214, расстреляно по приговорам 14 473 человека. Из них перед строем — 411.

Военные законы ужесточал И. В. Сталин, как нарком обороны. Он требовал принимать бескомпромиссные меры к оступившимся военнослужащим, а нередко и к членам их семей. Но В. С. Абакумов порой шёл против действующего уголовного законодательства. Например, многих являвшихся с повинной немецких агентов он приказывал освобождать от ответственности с целью использования в контрразведывательных операциях в пользу Красной Армии. И подобные его действия приносили своеобразные «дивиденды»: зачастую они позволяли использовать этих лиц как двойных агентов.

Среди пленных и вышедших из окружения при сомнительных обстоятельствах военнослужащих могли оказаться лица, уже завербованные разведкой противника, поэтому было указано органам госбезопасности «организовать их

филтрацию». Это решение было оформлено в виде постановления ГКО № 1066. На его основании нарком внутренних дел Л. П. Берия издал приказ, обязывающий Управление Особых отделов НКВД СССР (Абакумов), а также начальников военной контрразведки фронтов и армий незамедлительно принять требуемые решения для выполнения мер филтрации.

Как видно из докладной записки в ГКО № 280/Б от 1 марта 1942 года, В. С. Абакумов и его подчинённые создали девятнадцать спецлагерей с особыми отделами при них. По состоянию на 23 февраля было освобождено из плена и собрано лиц, вышедших из окружения, более 128 000 военнослужащих. Из них 21 804 человека прошли филтрацию и направлены в действующие части Красной Армии. Ещё 106 328 человек находились в процессе проверки на сборно-пересыльных пунктах, 14 963 — в пути до спецлагерей НКВД. В самих же спецлагерях проходили дополнительную проверку ещё 68 577 человек.

Поскольку в 1941 — 1942 годах на заседаниях ГКО чаще других рассматривались вопросы формирования и состояния танковых, артиллерийских, инженерных частей и соединений, то в УОО НКВД СССР специально создавались профильные отделы. К примеру, отдел по руководству органами военной контрразведки в тыловых округах, где комплектовались новые формирования РККА и запасные части.

На базе бывшего 3-го отдела управления образовывались два других, отвечавших за артиллерийские, танковые и гвардейские миномётные части, а также связные и военно-инженерные соответственно. 4-му отделу УОО НКВД СССР поручалось руководство и обобщение опыта по борьбе с антисоветскими элементами, изменой Родине, членовредительством, трусостью, паникёрством и распространением ложных слухов. Именно этот отдел стал отвечать за информацию о действиях заградительных отрядов и эффективности их применения.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 года упразднялся институт военных комиссаров и поэтому ГКО на своём заседании 13 октября 1942 года принял постановление № 2406, определившее подчинённость уполномоченного особого отдела в полку и начальника дивизионного аппарата особого отдела командиру части или соединения соответственно. При этом сохранялась вертикальная подчинённость военных контрразведчиков по линии НКВД СССР (Л. П. Берия).

Историк спецслужб *О. М. твеев* говорит: когда Красная Армия ещё отступала, военная контрразведка уже стала перестраивать свою работу на наступательный характер. Стала складываться система знаний о противнике в лице немецких спецслужб. Зафронтую работу Абакумов называл одной из главных контрразведывательных мер. Успехи такой работы позволяли опережать действия противника хотя бы на шаг-другой. И если в первые месяцы войны зафронтая деятельность особых отделов сводилась в основном к разведывательным и диверсионным рейдам в прифронтной полосе, то уже к концу 1941 года военные контрразведчики занялись подрывом разведывательного потенциала противника, изучением врага, как говорится, «на перспективу». Так, к середине лета 1942 года в НКВД страны уже знали о тридцати шести школах германской разведки и были получены данные на полторы тысячи их выпускников. Из семидесяти четырёх захваченных шпионских радиостанций почти половина стала работать на передачу немцам дезинформации. Примечательно то, что Абакумов лично контролировал наиболее важные контрразведывательные операции, в том числе и глубокое внедрение наших контрразведчиков в гитлеровские шпионские школы, штабы воинских частей и другие значимые места и объекты. К примеру, от действий контрразведчиков особенно пострадали школы абвера группы армий «Центр», например, 103-я, 203-я абверкоманды.

Особо значимой работой контрразведчиков была организация мероприятий по дезинформации противника с помощью радиоигр, в организации которых самое непосредственное участие принимал В. С. Абакумов.

Глава 2. Абакумов В. С. — руководитель ГУКР «Смерш» при наркомате обороны

Рождение «Смерша»

Военная контрразведка секретным постановлением Совнаркома от 19 апреля 1943 года была передана в Наркоматы обороны и военно-морского флота, при которых учреждались управления контрразведки «Смерш» (сокращение от «Смерть шпионам»). Для этого 21 апреля 1943 года Иосиф Сталин

подписал Постановление ГКО № 3222 сс/ов об утверждении положения о ГУКР «Смерш» НКО СССР. В приложении к документу было подробно расписано, чем должно заниматься новое подразделение Наркомата обороны СССР и Наркомата ВМФ, а также определён статус его сотрудников. Согласно Положению «Главное управление контрразведки НКО («Смерш» — «Смерть шпионам»), созданное на базе бывшего Управления особых отделов НКВД СССР, входит в состав Народного комиссариата обороны. Начальник Главного управления контрразведки НКО («Смерш») является заместителем народного комиссара обороны, подчинён непосредственно народному комиссару обороны (то есть И. В. Сталину) и выполняет только его распоряжения». Генералу В. С. Абакумову, назначенному на пост руководителя «Смерша», было всего тридцать пять лет (*приводим по: Север А. «Смерш». — М.: Вече, 2020*).

В Постановлении особо подчёркивалось, что «органы „Смерш“ являются централизованной организацией: на фронтах и округах органы „Смерш“ (Управления „Смерш“ НКО фронтов и отделы „Смерш“ НКО армий, корпусов, дивизий, бригад, военных округов и других соединений и учреждений Красной Армии) подчиняются только своим вышестоящим органам».

В отношении командования Красной Армии указывалось, что «органы „Смерш“ информируют военные советы и командование соответствующих частей, соединений и учреждений Красной Армии по вопросам своей работы: о результатах борьбы с агентурой противника, о проникших в части армии антисоветских элементах, о результатах борьбы с изменой Родине и предательством, дезертирством, членовредительством». Информировать — не значит, что подчиняются. Хотя Постановлением предусматривалась возможность сотрудничества между командованием Красной Армией и военной контрразведкой.

В то же время был чётко определён *перечень решаемых орг и ми «Смерш» задач*:

а) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии;

б) борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной Армии;

в) принятие необходимых агентурно-оперативных и иных (через командование) мер к созданию на фронтах условий,

исключающих возможность безнаказанного прохода агенты-ры противника через линию фронта, с тем чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов;

г) борьба с предательством и изменой родине в частях и учреждениях Красной Армии (переход на сторону противника, укрывательство шпионов и вообще содействие работе последних);

д) борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах;

е) проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника;

ж) выполнение специальных заданий народного комиссара обороны».

Особо подчёркивалось, что «органы „Смерш“ освобождаются от проведения всякой другой работы, не связанной непосредственно с задачами, перечисленными в настоящем разделе».

В Постановлении были перечислены *пр в*, которыми было наделено «Управление контрразведки НКО („Смерш“) и его органы на местах. Они имеют право:

а) вести агентурно-осведомительную работу;

б) производить в установленном законом порядке выемки, обыски и аресты военнослужащих Красной Армии, а также связанных с ними лиц из гражданского населения, подозреваемых в преступной деятельности;

в) проводить следствие по делам арестованных с последующей передачей дел по согласованию с органами прокуратуры на рассмотрение соответствующих судебных органов или Особого Сопещения при Народном комиссариате внутренних дел СССР (НКВД);

г) применять различные специальные мероприятия, направленные к выявлению преступной деятельности агентуры иностранных разведок и антисоветских элементов;

д) вызывать без предварительного согласования с командованием в случаях оперативной необходимости и для допросов рядовой и командно-начальствующий состав Красной Армии».

Согласно IV разделу Постановления: «Органы „Смерш“ производят аресты военнослужащих Красной Армии в следующем порядке:

а) аресты рядового и младшего начсостава — по согласованию с прокурором;

б) среднего начсостава — по согласованию с командиром и прокурором соединения, части;

в) старшего начсостава — по согласованию с военными советами и прокурором;

г) высшего начсостава — с санкции народного комиссара обороны».

Также в Постановлении была подробно расписана структура «Смерша». Согласно тексту документа:

«1. В состав Главного управления контрразведки НКО („Смерш“) входят: помощники начальника Главного управления (по числу фронтов) с приданными им группами оперативных работников, на которых возлагается обязанность руководства работой органов „Смерш“ на фронтах, и 11 отделов, формируемых по основным функциональным направлениям действий ГУКР „Смерш“.

2. На местах организуются следующие органы „Смерш“:

а) управления контрразведки НКО („Смерш“) фронтов;

б) отделы контрразведки НКО („Смерш“) армий, округов, корпусов, дивизий, бригад, запасных полков, гарнизонов, укрепрайонов, учреждений Красной Армии.

3. Структура местных органов „Смерш“ устанавливается применительно к структуре Главного управления контрразведки НКО („Смерш“) и утверждается народным комиссаром обороны.

Для обеспечения оперативной работы, конвоирования, охраны арестованных и мест заключения органам „Смерш“ на местах выделяются из частей Красной Армии:

а) управлению „Смерш“ фронта — батальон;

б) отделу „Смерш“ армии — рота;

в) отделу „Смерш“ корпуса, дивизии, бригады — взвод».

Оперативная обстановка и основные действия военной разведки в период коренного перелома в ходе войны

(Сведения приводим из моногр фии генер л ФСБ Зг нович А. А.: «Смерш». Гл вный козырь Ст лин . — М.: Концепту л, 2019)

В результате проведения зимней кампании 1942 — 1943 годов советские войска продвинулись вперед на шестьсот — семьсот километров, было разгромлено свыше ста дивизий

врага, действовавших на советско-германском фронте. Наша армия постепенно стала перехватывать у врага стратегическую инициативу. Контрнаступление под Сталинградом имело в этом плане решающее значение, привело к краху наступления немецкой армии, а фактически — последней попытки германского командования вновь взять инициативу в свои руки.

Однако победы дались Красной Армии ценой больших потерь в личном составе и боевой технике. Согласно новейшим исследованиям, за второй период Великой Отечественной войны (с 19 ноября 1942 года по 31 декабря 1943 года) людские потери составили 8 538 700 человек, из них безвозвратные — 2 553 400 человек.

Потребовалось значительно увеличить объём пополнения, мобилизовать в армию и во флот новые возрастные категории советских граждан, массированно призывать тех, кто проживал на временно оккупированной территории, освобождённой нашей армией. Значительное число вновь мобилизованных составили представители коренных национальностей советских республик Средней Азии. Так, в конце 1942 года в состав Сталинградского фронта прибыл 4-й кавалерийский корпус, в котором 70% личного состава приходилось на узбеков и казахов. Их подготовка вызывала много сомнений. Слабое знание русского языка, предопределявшее плохое усвоение, а затем и ненадлежащее выполнение ими приказов командиров и начальников, самым непосредственным образом влияло на решение боевых задач воинскими частями. В числе пополнения на Калининский фронт в середине июля 1943 года прибыло двадцать уже сформированных штрафных рот, созданных по решению ГКО из лиц, осуждённых на длительные сроки заключения.

В 1943 году были утверждены погоны для всех военных. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) в конце 1943 года был утверждён, а затем опубликован во всех центральных и местных газетах новый гимн Союза ССР (ранее был «Интернационал»). Уже 23 декабря 1943 года В. Абакумов подготовил спецсообщение председателю ГКО И. Сталину под заголовком «О реакции военнослужащих на новый государственный гимн СССР». Судя по тексту спецсообщения, большинство офицеров и генералов с одобрением встретили новый гимн.

К лету 1943 года особые отделы (а затем органы «Смерш») соединений и объединений уже достаточно детально изучили

построение и методы работы спецслужб противника. В сообщении от 1 июля ГУКР НКО «Смерш» в ГКО отмечалось, в частности, что за время войны (то есть предыдущие два года) удалось выявить 23 разведывательные и диверсионные школы, а также 66 разведывательных команд и групп, действующих на советско-германском фронте. На дату доклада военные контрразведчики разоблачили и арестовали 15 443 агента германской разведки и имели в своём распоряжении их детальные показания, раскрывающие формы и методы работы врага. Важное значение имело выявление, установление структуры и вариантов использования противником разнообразных вооружённых формирований из числа послереволюционных эмигрантов и бывших военнослужащих нашей армии и флота, а также жителей оккупированных районов. Эти лица являлись наиболее податливым элементом для осуществления вербовочной работы немецких и других спецслужб, проведения разведки во фронтовой полосе и ближайшем тылу наших войск, реализации провокационных и идеологических акций.

Известны не единичные факты, когда предатели составляли даже экипажи захваченной советской бронетехники и использовали её в боевых действиях против частей Красной Армии. Так, к примеру, в ходе боёв 11 июля 1943 года на Курской дуге немцы поставили во главе колонны немецких бронемашин группу танков Т-34. Благодаря этому во время перегруппировки соединений 35-го гвардейского стрелкового корпуса противник легко продвинулся в глубь нашей обороны более чем на десять километров, слившись с частями отходившей 92-й гвардейской стрелковой дивизии. Таким образом, изменники помогли врагу овладеть городом Ржавцом. При этом 92-я дивизия понесла серьёзные потери в личном составе и утратила практически всю материальную часть.

В 1942 году при 1-м отделе штаба «Валли» (разведорган на советско-германском фронте) был создан особый штаб «Россия», больше известный как «Зондерштаб-Р». Возглавил его русский эмигрант, майор немецкой армии Б. Смысловский (он же фон Регенау), а разведывательный отдел — изменник Родины, бывший полковник и до июля 1942 года командир 1-го отдельного стрелкового корпуса 56-й армии Северо-Кавказского фронта Шаповалов.

Наряду с проведением карательных операций против партизан «Зондерштаб-Р» занимался и разведкой в тылу Красной

Армии, в том числе оставлял свою проверенную агентуру в освобождаемых от оккупантов районах.

Военные контрразведчики владели информацией о войсковых соединениях, известных как Русская национальная бригада СС, Русская национальная народная армия (РННА), о легионе «Идель — Урал», о кавказском полке особого назначения «Бергман», состоявшем из азербайджанского, грузинского и северокавказского батальонов, а также о так называемой Русской освободительной армии, непосредственно руководимой изменником Родины, бывшим генералом Красной Армии А. Власовым. Известно было и о формировании и действиях казачьих частей.

Для планирования и успешного проведения активной контрразведывательной и разложенческой работы по указанным выше и другим вооружённым формированиям начальник Управления особых отделов НКВД В. Абакумов приказал всем руководителям фронтовых и армейских аппаратов военной контрразведки наладить анализ поступающей информации об их появлении в зоне ответственности того или иного особого отдела, задержаниях участников и результатах их допросов. Особое внимание предлагалось уделить сбору сведений о командном составе, прикомандированных офицерах германской военной и политической разведок, политико-моральном состоянии личного состава антисоветских формирований.

В результате целенаправленной работы аппаратов спецпропаганды политорганов РККА, подпольных организаций, партизан, оперативных групп 4-го управления НКВД-НКГБ, а также военной контрразведки многие солдаты и командиры указанных формирований перешли на сторону Красной Армии. Так, только со 2 по 12 августа 1943 года на участке ответственности 13-й армии Центрального фронта через передовые позиции прошли и сдались в плен четыре группы солдат из Грузинского легиона. Они показали при допросах, что моральное состояние их батальона крайне низкое, что большинство солдат всего Грузинского легиона имеет желание влиться в части нашей армии и на её стороне сражаться с немецкими захватчиками.

Успешной работе особых отделов — органов «Смерш» способствовало укрепление нормативно-правовой базы их функционирования во второй период войны. Так, приказом народного комиссара обороны № 0283 от 19 апреля 1943 года был объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР о

мерах наказания шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и образовании военно-полевых судов. В нём, в частности, говорилось, что ко всем преступникам, виновным в совершении кровавых расправ над мирным советским населением и пленными красноармейцами, их пособникам из местного населения применяется в настоящее время мера возмездия, явно не соответствующая содеянным ими злодеяниям. Поэтому для наказания немецких, итальянских, румынских, венгерских и финских военнослужащих, чиновников оккупационных властей и коллаборационистов, а также шпионов и изменников Родины создавались военно-полевые суды. В состав суда входили: председатель военного трибунала дивизии, заместитель командира дивизии по политической части и начальник особого отдела НКВД. Приговоры военно-полевого суда должны были приводиться в исполнение немедленно. Участников карательных акций, а также шпионов и изменников Родины надлежало приговаривать к смертной казни через повешение, а пособников оккупантов, уличённых в содействии совершению злодеяний, — к каторжным работам на срок от тринадцати до двадцати лет. Для целенаправленного психологического воздействия на местное население и военнослужащих признавалось необходимым производить повешение публично, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как карают тех, кто совершал насилие и расправу над мирными гражданами и советскими военнопленными и кто предал свою Родину.

На втором этапе Великой Отечественной войны совершенствовалась нормативная база организации и проведения оперативной работы. Сюда прежде всего относятся такие основополагающие документы, как:

1) указание Управления особых отделов НКВД СССР № 1694 от 20 января 1943 года о правилах переброски агентуры на сторону противника;

2) инструкция по организации и проведению радиоигр с противником, объявленная директивой ГУКР НКО «Смерш» 16 июля 1943 года;

3) приказ начальника ГУКР НКО «Смерш» № 00204/сш от 2 сентября 1943 года об усилении работы по розыску и ликвидации агентуры германской военной разведки;

4) инструкция по организации розыскной работы, разработанная в развитие приказа.

Серьёзным подспорьем для фронтовых военных контрразведчиков стала специальная инструкция, разработанная летом 1943 года в ГУКР НКО «Смерш», по организации и проведению радиоигр с противником с использованием захваченных агентурных радиостанций. Она появилась в преддверии Курской битвы и сыграла свою роль как инструмент для более эффективной работы в указанном направлении. В основе инструкции лежали результаты анализа предшествующего опыта как непосредственно контрразведывательной деятельности.

Уже в начале 1943 года контрразведчики чётко определились с каналами проникновения агентуры противника в войска. К ним относились следующие:

1) вербовка захваченных в плен военнослужащих и в короткое время возвращение их в часть под видом отставших, заблудившихся, раненых;

2) переброска агентуры в расположение наших войск под видом выходящих из окружения или бежавших из плена в расчёте на то, что эта агентура непосредственно либо через лагеря попадает в действующую армию;

3) перевербовка зафронтной агентуры разведорганов армии и фронта в целях внедрения через неё в разведывательные отделы штабов;

4) внедрение агентуры прямо или путём подставы её военнослужащим в учреждения и предприятия, обслуживающие армию и её штабы;

5) приобретение агентуры из лиц призывного возраста на территории, оставляемой немецкой армией под ударами наших войск, в расчёте на то, что они будут мобилизованы;

6) внедрение агентуры в партизанские отряды из числа лиц, ранее не призванных в Красную Армию по тем или иным причинам, либо из бывших военнослужащих, осевших на жительство на оккупированной территории; расчёт в данном случае делался на то, что партизанские отряды на уже освобождённой территории будут расформированы, а их бойцы и командиры пополнят ряды Красной Армии.

По данным ГУКР НКО «Смерш», за сентябрь — ноябрь 1943 года в полосе только 3-го Белорусского фронта на сторону советских войск вышло шесть партизанских бригад общей численностью более пяти тысяч человек. В ходе их фильтрации военные контрразведчики арестовали девяносто двух

партизан, обоснованно подозревавшихся в принадлежности к агентуре немецкой контрразведки и полицейских органов.

Особое внимание аппараты «Смерш» уделяли поиску агентуры спецслужб противника среди офицерского состава. Те, кто был ранее в плену либо вышел из окружения в одиночном порядке и при сомнительных обстоятельствах, подлежали фильтрации. Постепенно эта работа упорядочивалась на основе приказов и директив командования. Так, Главное управление кадров НКО СССР издало в начале октября 1943 года специальную директиву, предписывавшую в запасных офицерских полках создавать проверочные комиссии, в состав которых в обязательном порядке требовалось включать представителей управлений и отделов военной контрразведки.

Эта мера способствовала розыскной работе органов «Смерш». Так, за сентябрь — декабрь 1943 года контрразведчики 3-го Белорусского фронта выявили среди личного состава запасного офицерского полка тридцать девять агентов противника, пытавшихся проникнуть в действующие части. Один из разоблачённых шпионов — бывший начальник ветеринарной лечебницы кавалерийской дивизии Б. — попал в плен и в лагере был завербован гестапо, затем окончил Бреславльскую разведшколу и вступил в антисоветскую организацию «Боевой союз русских националистов», подконтрольную СД. Хорошо зарекомендовав себя в борьбе с партизанами, он прошёл переподготовку в разведшколе в городе Яблонь Люблинского округа Польши и был оставлен «на оседание» в районе наступления советских войск для дальнейшего проникновения в части Красной Армии.

Результаты наступательных операций советских войск летом 1943 года предполагали корректировку содержания некоторых направлений оперативной деятельности органов контрразведки «Смерш».

Опер ция «Цит гель» являлась последним крупным наступлением немецких войск на Восточном фронте. Стратегическая инициатива полностью и окончательно перешла к Красной Армии. Это означало, что военным контрразведчикам всё чаще приходилось работать в условиях наступления, когда освобождались большие районы нашей страны. В этот период спецслужбы противника в своей разведывательно-подрывной работе сделали упор на создание агентурных позиций путём

оставления шпионов и диверсантов в отбитых в ходе наступления районах в прифронтовом тылу. Следовательно, резко возросло значение розыскных мероприятий.

Выводы из ранее накопленного опыта розыска ГУКР НКО «Смерш» были изложены в приказе № 00204/сш от 2 сентября 1943 года. В его тексте констатировалось, что розыск агентуры противника всё ещё находится в неудовлетворительном состоянии. Достаточно много германских агентов, объявленных в розыск на основе добытых оперативных и следственных материалов, пока не задержано. По показаниям ряда арестованных агентов было установлено, что отдельные из них до ареста неоднократно задерживались как лица, подозревавшиеся в шпионаже, но после поверхностной проверки документов освобождались, даже не подвергшись личному обыску. В целях усиления розыска начальник ГУКР НКО «Смерш» приказал ещё раз проверить розыскную работу всех аппаратов военной контрразведки и устранить выявленные недочёты. Далее следовал перечень конкретных мер, в том числе создание внештатных оперативно-розыскных групп с включёнными в их состав агентами-опознавателями.

Одному из своих заместителей и начальнику 3-го отдела ГУКР НКО «Смерш» В. Абакумов поручил разработать инструкцию для подчинённых органов по розыску агентуры противника. Такая инструкция была подготовлена в короткий срок. В. Абакумов утвердил её, после чего объявил директивой ГУКР НКО «Смерш» № 49519 от 9 сентября 1943 года. Она содержала оперативные, заградительные и профилактические мероприятия. Основными из них были следующие: выявление вражеских агентов по признакам фиктивности документов и особенностям экипировки; опрос военнослужащих, находившихся в плену или вышедших из окружения при сомнительных обстоятельствах; обеспечение непроницаемости линии фронта; проверочная (фильтрационная) работа; изучение захваченных трофейных документов; опрос населения прифронтовой полосы и так далее.

Основным средством армейских контрразведывательных аппаратов в борьбе со шпионами, диверсантами и террористами, а также антисоветскими элементами являлись секретные сотрудники органов «Смерш». Это являлось важнейшим условием успешной борьбы с противником

Деятельность органов контрразведки на завершающем этапе войны

К началу 1944 года гитлеровская Германия ещё располагала огромными ресурсами для активного ведения войны. В то же время поражения, постигшие противника, привели к обострению обстановки в стране. Руководство рейха оказалось перед мрачной перспективой ведения боевых действий на своей территории. Начался распад фашистского блока, хотя Германия всё ещё контролировала Болгарию, Венгрию, Румынию, Финляндию.

После серьёзных потерь, понесённых на фронте против СССР, высадки англо-американских войск на острове Сицилия, а затем и на юге Италии эта страна — союзница Германии — была вынуждена выйти из войны.

Накалилась обстановка и в Румынии, поскольку её армия потеряла более четверти миллиона солдат и офицеров. Руководство Румынии зондировало возможность переговоров о капитуляции с некоторыми государствами — членами антигитлеровской коалиции, стремясь не допустить прихода советских войск на территорию страны. Колебания относительно дальнейшего участия в войне с СССР проявились в правящих кругах Финляндии.

Во всенародной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками продолжали играть активную роль Главное управление контрразведки НКО «Смерш», УКР «Смерш» НК ВМФ, НКГБ, НКВД и их подчинённые органы. На новом этапе Великой Отечественной войны они действовали в изменившейся военно-политической обстановке.

Выйдя к границам СССР, наступающие части Красной Армии практически без остановки перенесли боевые действия на территории сопредельных государств — Румынии и Польши, а во второй половине 1944 года — на земли Болгарии, Югославии и Венгрии.

Спецслужбы Болгарии, Венгрии и Румынии по указанию своего военного и политического руководства предпринимали настойчивые попытки установления контактов с разведслужбами Англии и США для решения через них вопросов, связанных с выходом из войны. При этом главным являлось одно важное условие — успеть проделать указанную работу до занятия этих европейских стран войсками Красной Армии. Они даже были готовы передать в распоряжение американцев и

англичан своих кадровых сотрудников и агентуру для возможного использования против нашей страны, а также снабдить союзников информацией о нацистской Германии — в частности, о её вооружённых силах и разведывательных органах.

Главное управление контрразведки НКО «Смерш» частично владело сведениями об указанных контактах, поскольку было своевременно проинформировано коллегами из разведки НКГБ и ГРУ Красной Армии. Главным противником для нашей армии и контрразведчиков, естественно, оставались немецкие спецслужбы. Руководители Германии видели причины военных неудач в просчётах не только командования, но и своих разведывательных аппаратов, пытались перестраивать их работу.

В мае 1944 года по указанию Гимmlера в РСХА было образовано особое подразделение, призванное выполнять особо важные задания по террору, шпионажу и диверсиям в расположении частей Красной Армии. Этот орган — «Ваффен СС Ягдфербанд» (истребительное соединение войск СС) — комплектовался и оперативно руководился известным террористом — штурмбанфюрером СС О. Скорцени. Он же возглавлял и группу «Д» (диверсии) военного управления РСХА. Осенью 1944 года для проведения диверсионной и подрывной деятельности на территории освобождённых от немецких оккупантов республик советской Прибалтики и в северной части Польши РСХА создало филиал «Ваффен СС Ягдфербанд» под условным названием «Ост». В его составе было две группы: Балтийская и Общерусская. Первая предназначалась для создания повстанческих и диверсионных отрядов (групп) и подготовки широкой сети агентуры на длительное «оседание». Кадры набирались из антисоветских националистических организаций. В Латвии, к примеру, была создана диверсионно-террористическая организация «Межа Кати» («Дикая кошка»), куда принимались офицеры и солдаты латышских дивизий СС, полицейские и чиновники учреждений, созданных оккупационными властями.

Освобождая Украину, советские войска с самого начала 1944 года столкнулись с деятельностью ОУН и с боевой активностью банд так называемой Украинской повстанческой армии (УПА). В прифронтовой зоне борьбу с ними вели органы контрразведки «Смерш», привлекая войска НКВД СССР по охране тыла и подразделения Красной Армии. Банды нападали

на тыловые военные объекты, проходящие обозы, населённые пункты с малочисленными гарнизонами, убивали советских солдат и офицеров.

В одной из докладных записок Управления контрразведки «Смерш» 1-го Украинского фронта в Москву отмечалось, к примеру, что только с 7 февраля по 2 марта 1944 года зафиксировано более двухсот случаев нападений банд УПА на мелкие группы военнослужащих, захвата транспортов с оружием и боеприпасами. И всё это относилось лишь к полосе действий частей и соединений 13-й армии. Украинский штаб партизанского движения проинформировал командование наступающих фронтов о том, что в конце декабря 1943 года некоторые главари банд УПА заключили соглашения с немецкими оккупационными властями о вооружении националистического подполья в обмен на участие в подрывной деятельности против советских войск.

Ещё с конца 1943 года происходило заметное усиление зафронтной работы органов «Смерш», розыска агентуры германской, финской, румынской и других разведок в тыловых районах и непосредственно в воинских частях нашей армии, радиоигр, проводимых как ГУКР «Смерш» (Абакумов), так и соответствующими управлениями фронтов и военных округов. К сожалению, всё это интересовало в основном военных и политических руководителей на уровне Госкомитета Обороны, Ставки ВГК и Генерального штаба. И, к сожалению, руководители фронтов, армий часто недооценивали указанные выше формы деятельности контрразведчиков. Их больше интересовали спецсообщения о результатах борьбы с дезертирством, членовредительством, иными преступлениями со стороны военнослужащих, об итогах расследования разного рода чрезвычайных происшествий, фактах морально-бытового разложения отдельных офицеров и генералов, недостатках в тыловом обеспечении войск и так далее.

Некоторые военачальники, включая маршала Советского Союза Г. К. Жукова, по сути дела, считали деятельность контрразведчиков мало актуальной для решения возникающих непосредственно в ходе военных операций вопросов. Примерами безразличного отношения некоторых военачальников фронтового и армейского звеньев могут служить далеко не единичные факты отказов с их стороны утверждения представлений к правительственным наградам сотрудников «Смерша», а также

и привлечённых к разного рода контрразведывательным операциям офицеров и солдат из воинских частей.

А между тем, по утверждению начальника Департамента военной контрразведки ФСБ России генерал-лейтенанта А. Г. Безверхнего, за годы войны военными чекистами «было обезврежено более тридцати тысяч шпионов, около трёх с половиной тысяч диверсантов и свыше шести тысяч террористов. Невозможно представить степень вероятного ущерба для Вооружённых Сил, для страны, если бы были совершены все запланированные диверсии и теракты в расположении и на фронтовых коммуникациях, если бы все агенты регулярно докладывали противнику о сосредоточении и передвижении войск, о замыслах советского командования и готовящихся операциях...»

Так почему же в мемуарах уважаемых военачальников нет упоминания о позитивной роли маршала СССР Л. П. Берии и генерал-полковника В. С. Абакумова в достигнутой Великой Победе?

В качестве резюме и ответа на вопрос: почему в первые месяцы войны Красная Армия несла такие огромные потери?

Дело в том, что Красная Армия к началу войны имела множество недостатков: в вооружении, средствах связи, подготовке личного состава, квалификации командного состава — как на низовом уровне (роты, батальоны, полки, дивизии), так и на самом высоком уровне (штабы армий, округов и Генеральный штаб). Об этом можно узнать из многочисленных рассекреченных в последние годы архивных материалов, в том числе в книге известного историка, писателя Е. А. Прудниковой (*Стр тегия победы. Р згром 1941 год не было. — М.: Вече, 2017*).

Так, она пишет, что до сих пор весьма популярно мнение, что катастрофические поражения 1941 года произошли в основном из-за того, что в ходе репрессий были уничтожены опытные и талантливые военачальники, которых заменили малограмотные выдвигенцы. Ну что ж, сейчас доступны многие документы, заглянув в которые, мы увидим, какой могла стать Красная Армия и какой она не стала, поскольку столь многообещающие руководители были «злодейски умерщвлены Сталиным».

Так каково же было состояние Красной Армии под руководством этих «талантливых (репрессированных в 1937 году)

военных начальников»? Она приводит сведения из статьи (по архивным данным рассекреченных источников) «Пров л больших военных м нёвров Кр сной Армии 1935—1936 годов». На этих манёврах войска должны были показать свою выучку и готовность действовать в военной обстановке. Что получилось на деле? «Эскадрильи лёгких бомбардировщиков и штурмовиков Р-5, ССС и Р-Зет, которые должны были расчистить путь наступающим танкам, сделать этого, по существу, не смогли. Их взаимодействие с механизированными бригадами и полками „не удавалось“ (Белорусский военный округ — БВО), „терялось совершенно или осуществлялось эпизодически“ (КВО): подводила организация связи между авиационными и танковыми штабами. В КВО хромало и взаимодействие танков с артиллерией...»

Плохое взаимодействие родов войск — вообще один из главных органических недостатков Красной Армии, который она долго и мучительно преодолевала. Ещё летом 1942 года именно из-за рассогласования действий родов войск провалилась попытка деблокады Ленинграда, завершившаяся колоссальной мясорубкой под Синявино. Война к тому времени шла уже больше года...

«Танкисты Якира и Уборевича наступали вслепую — разведка у них была плохо организована, не проявляла активности и, по оценке н блюд вшего з м нёвр ми н ч льник Упр вления боевой подготовки (УБП) РККА ком нд рм 2р нг А. И. Седякин „была недееспособна“. В результате Т-26 из 15-й и 17-й мехбригад КВО неоднократно наносили удар „по пустому месту“. БТ-5 и БТ-7 из 5-й и 31-й мехбригад БВО не смогли обнаружить засады (а действия из засад были излюбленным приёмом немецких танкистов). Т-28 из 1-й танковой бригады БВО „внезапно“ (!) очутились перед полосой танковых ловушек и надолбов и вынуждены были резко отвернуть в сторону — на ещё не разведанный участок местности, где и застряли».

«Вслепую танки действовали и непосредственно в „бою“ — тут уже сказала слабая выучка танкистов, не умевших ориентироваться и вести наблюдение из танка. А недостаточная подготовка механиков-водителей приводила к тому, что боевые порядки атакующих танковых частей „быстро расстраивались“. В этом, впрочем, были виноваты и командиры взводов, рот и батальонов, не освоившие навыков радиосвязи и поэтому не умевшие наладить управление своими подразделениями... Несогласованность действий рот и батальонов была характерна и для других танковых соединений».

«Но ещё большие потери в реальном бою с немцами понесла бы пехота Якира и Уборевича. Во-первых, она „всюду“ шла в атаку на пулемёты „противника“ не редкими цепями, а густыми „толпами из отделений“. „При таких построениях атака была бы сорвана в действительности, захлебнулась в крови“, — констатировал *А. И. Сегакин*, сам участвовавший в подобных атаках в 1916-м и пять раз повисавший тогда на немецкой проволоке. Причина: „бойцы одиночные, отделения и взводы недоучены“. В наступлении бойцы инстинктивно жались друг к другу, а слабо подготовленные командиры отделений и взводов не умели восстановить уставной боевой порядок...» И так далее...

Подводя итог работе войск БВО и КВО на Белорусских и Полесских манёврах, *А. И. Сегакин* вскрыл главный, на наш взгляд, порок РККА эпохи Тухачевского, Якира и Уборевича: «Тактическая выучка войск, особенно бойца, отделения, взвода, машины, танкового взвода, роты, не удовлетворяет меня. А ведь они-то и будут драться, брать в бою победу... Хуже всего было то, что подобная ситуация не обнаруживала никакой тенденции к улучшению».

К сожалению, мало что изменилось в Красной Армии и спустя годы. И в войну мы вступили со слабой, недоученной, недоукомплектованной армией. Потому и наш противник, обладая гораздо лучшей выучкой и практикой уже двух летних военных действий в Европе, через месяц-другой был уже под Москвой. Эти обстоятельства во многом объясняют, почему было так много паникёрства, бегства с поля боя, сдачи врагу в плен и бойцов, и командиров, дезертирства... Выше мы приводили некоторые сведения о большом количестве задержанных контрразведчиками и заградительными отрядами наших военных. Это был особо сложный период. И нашей Красной Армии (командирам и бойцам), неся огромные потери, пришлось уже в ходе войны и нарабатывать боевое мастерство, и осваивать новое вооружение, и учиться взаимодействию разных родов войск.

И, к сожалению, в мемуарной литературе о войне, опубликованной многими военными начальниками в пятидесятые — шестидесятые годы, начиная с Г. К. Жукова, вкралось много лжи. Им не хотелось признаваться в собственных ошибках и недоработках в подготовке Красной Армии к войне, в просчётах и недостатках в организации воинских сражений, а выгоднее всего было переключать свою вину на И. В. Сталина. Также они практически не упоминали в своих монографиях и

о той огромной роли, которую играли разведка и контрразведка в укреплении армии и обеспечении необходимой информацией командования страны, воинских соединений, уничтожении бесчисленного числа вражеских агентов и диверсантов и создании условий для победы советской армии в войне с гитлеровской Германией и её сателлитами. Нет в них упоминания и о роли генерал-полковника В. С. Абакумова (руководившего первые два года войны особыми отделами НКВД, а затем до конца войны — ГУКР «Смерш»), и о роли Л. П. Берии — маршала СССР, члена Государственного Комитета Оборона, заместителя Сталина в правительстве, усилиями которого были эвакуированы многие промышленные предприятия из фронтовой зоны, которые стали в кратчайшие сроки выпускать нужную фронту военную технику и боеприпасы (без этого мы получили бы сокрушительное поражение в войне). А его выдающийся вклад в создание в кратчайшие сроки ракетно-ядерного щита СССР? Не будь всего того, что сделал этот человек, вряд ли появилась бы возможность нашим мемуаристам-военачальникам вообще сочинять какие-либо мемуары.

Окончание следует